

- ²⁴ Там же. Информатор Паршикова А.С. (см. примеч. 13).
- ²⁵ Кое-где в селах «коренных» сибиряков русальная неделя была приурочена к празднику Ивана Купалы (например, в Северном р-не).
- ²⁶ Там же. Информатор Ефимков И.В. (1910 г.р.), с. Останинка Северного р-на, родители приехали из Белоруссии.
- ²⁷ Там же. Информатор Антипина Е.В. (см. примеч. 17).
- ²⁸ Там же.
- ²⁹ Там же. Информатор Антипина Т.А. (1920 г.р.), с. Верх-Красноярка Северного р-на, «коренная» сибирячка православного вероисповедания.
- ³⁰ Там же. Информатор Данченко А.П. (1921 г.р.), с. Усть-Ургюлька Северного р-на, мать – «коренная» сибирячка, родители отца приехали из Орловской губ.
- ³¹ Там же.
- ³² Дмитриева С.И. Фольклор и народное искусство русских Европейского Севера. М., 1988. С. 35.
- ³³ Фурсова Е.Ф. Шуликаны и нечистая сила в селах Западной Сибири // Гуманитарные науки в Сибири. 1994. № 3. С. 73.
- ³⁴ Нидерле Л. Славянские древности. М., 1956. С. 272–273; Рыбаков Б.А. Древние элементы в русском народном творчестве (Женское божество и всадники) // Сов. этнография. 1948. № 1. С. 105; Василенко В.М. Русская народная резьба и роспись по дереву. XVIII–XX в. М., 1960. С. 51.
- ³⁵ Кайсаров А.С. Славянская и российская мифология // Мифы древних славян. Саратов, 1993. С. 60; Соколова В.К. Весенне-летние календарные обряды русских, украинцев и белорусов. М., 1979. С. 221–222; Klinger W. Wschodnio-Europejskie rusalki i pokrewne postaci demonologii ludowej a tradycja grecko-rzymska // Prace etnologiczne. T. 2. Lublin; Kraków, 1949. S. 13–39.
- ³⁶ Болонев Ф.Ф. Народный календарь семейских Забайкалья (вторая половина XIX – начало XX в.). Новосибирск, 1978. С. 146.
- ³⁷ Дынин В.И. Некоторые особенности мифологического образа русалки у восточных славян // Этнографическое обозрение. 1994. № 6. С. 119.

E.F. F u r s o v a. Ob Area East Slavs Semitsko-Troitske Customs and Ceremonies (the Second Half of 19th–30th yy. of 20th cc.)

There were field ethnographic materials in the basis of this article. They have been collected in the Ob area villages during the last ten years. The investigation of Russian, Ukraine and Byelorussian Semitsko-Troitskie holidays lets the author express several things about the functional direction and the evolution stages of spring calendar cycle.

© 1998 г., ЭО, № 3

Л.Н. П у ш к а р е в

ЛУБОК КАК ИСТОЧНИК ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ МЕНТАЛИТЕТА РУССКОГО ТРУДОВОГО НАРОДА

Понимая под менталитетом совокупность чувств, впечатлений, образов, представлений и т.д. об окружающем мире как отдельного человека, так и любого коллектива (кружка, общества, слоя, сословия, класса и пр.)¹, следует прежде всего отметить, что источником для его изучения может быть **все**, созданное мыслящим человеком и сохранившее в себе следы его духовной деятельности². Оставляя в стороне анализ всех типов, родов и видов исторических источников, остановимся на этнографических, исключительно важных для изучения менталитета. Под ними обычно подразумеваются явления личной и общественной жизни, унаследованные от прошедших эпох, сохраненные памятью и сознанием, продолжающие активно жить в настоящем времени в виде своеобразных пережитков. Эти «остаточные явления прошлого» (традиции, обряды, обычаи, верования, нормы и стереотипы поведения, представления, вкусы) отмечались еще философами Древней Греции как источники, заслуживающие

внимания. Позднее ученые весьма критически отнеслись к ним, связывая их с силой привычки и невежеством³. Но в наши дни исследователи изучают подобные явления весьма пристально и внимательно, привлекая их для восстановления духовного мира наших предков. Надо сказать, что использование этих данных затруднено тем, что этнографические источники, как правило, отображают и воплощают в себе и прошлое, и настоящее одновременно. Поэтому порой трудно отличить, что в поступках и чувствах человека (либо коллектива) идет от традиции, от памяти, от прошлого, а что возникло под воздействием реальной действительности наших дней⁴.

Просто удивительны живучесть многих пережитков, их способность вновь и вновь возрождаться в новых, особенно экстремальных, условиях. Этнографы и историки уже отметили, например, новый всплеск всевозможных примет и поверий в годы первой мировой и Великой Отечественной войн⁵. Действительно, участники Великой Отечественной войны неоднократно отмечали, что на фронте существовала своеобразная вера в амулеты. Так, многие солдаты свято верили в то, что фотография близкого или родного человека, хранимая в кармашке гимнастерки («у сердца»), «отводит пулю». Вот запомнившийся пример из моих наблюдений в годы войны. Сержант Авласенко (1922 г. р., белорус, образование 7 кл.), служивший со мной в одном батальоне, носил в кармане гимнастерки фотографию своей возлюбленной с такой надписью:

Носи в кармашке
Свою Наташку.
Пока я с тобой,
Ты будешь живой!

Авласенко свято верил в свой «талисман» и никогда с ним не расставался. В одном из боев осколком мины с его гимнастерки срезало карман вместе с хранившейся там фотографией. Авласенко был контужен и потерял сознание. Придя в себя, он прежде всего заволновался – цела ли фотография. Ее не было. Сержант не успокоился, пока не получил точно такую же с такой же надписью. Дело военное: пока эта фотография дошла до него, он дважды успел побывать в боях и дважды был ранен (правда, легко), причем твердо был уверен, что причиной ранения послужило отсутствие его «талисмана».

Иногда вместо фотографий с той же целью сберегали «у сердца» письма от любимых и близких. Мне приходилось сталкиваться и с верой в то, что такую же «защитную» силу имело и известное стихотворение К. Симонова «Жди меня». Но при этом следовало соблюдать некоторые правила: стихотворение надо было переписать от руки лично и хранить «у сердца». Оно, с одной стороны, «отводило пулю», а с другой – обеспечивало верность оставленной в тылу жены или возлюбленной. Конечно, этому верованию способствовали использование К. Симоновым заговорной формы, настойчивого рефрена «Жди меня!» для самых, казалось бы, безвыходных ситуаций и, безусловно, поэтическая сила стихотворения.

В экстремальных условиях военных действий у солдат возникало стремление искать защиту от опасности у неких высших сил, способных якобы охранить, уберечь их от гибели. Вот показательный пример из моих личных наблюдений. Отрывок (очевидно, заговора) без начала и конца передал мне боец похоронной команды Сергей Семенов в 1944 г. Он нашел его в кармане гимнастерки солдата, убитого под Могилевым и похороненного там же в братской могиле. Вот что было написано от руки женским почерком в этом отрывке: «...будут стрелять автоматы, а пули были б не в пули; будут палить минометы, а мины были б не в мины; будут бомбить самолеты, а бомбы были б не в бомбы, а пошли б они в сыру землю, в чистое поле, на дикие луга, в темные леса, а был бы я...». Отсутствие начала и конца этого отрывка не дает возможности точно установить, что перед нами – отрывок заговора или какой-то иной текст явно фольклорного происхождения. Но подобные тексты крайне важны для характеристики менталитета бойца.

Надо отметить, что солдаты зачастую стеснялись этой веры в приметы, таили ее, но в особых условиях фронтового быта, когда все на виду, скрыть ее было крайне сложно. Интересный факт из области веры в приметы зафиксирован мною в мае 1945 г., когда боец, 9 мая отмечая окончание войны и День Победы, выпустил в воздух обойму патронов, выданную ему в самом начале войны – в 1941 г.: он берег ее всю войну и был глубоко убежден, что выжил только потому, что хранил как зеницу око первые полученные им патроны⁶.

Подобные примеры (а их легко умножить – достаточно расспросить уцелевших ветеранов) свидетельствуют о том, как важно для изучения менталитета глубокое исследование этнографических источников. Ведь многие обычаи наших дней, соблюдаемые бездумно и почти машинально (например, ношение кольца на руке после заключения брака, завешивание темной тканью зеркал в доме умершего, вынос гроба ногами вперед и многое другое), когда-то имели магическое значение, в настоящее время совершенно утраченное.

Приведу еще пример веры в заговоры. Магические формулы, посредством которых древние люди пытались воздействовать на окружающий мир и изменять его, были типичны для дохристианских верований: человек силой слова и действия стремился вызвать желаемый результат – убить зверя, поймать рыбу, излечиться от болезни, защититься от раны и пр. Казалось бы, заговоры и вера в них должны были исчезнуть вместе с утратой анимистических представлений у человека. Но этого не произошло. Христианство лишь немного изменило форму заговора (появились вступление, представляющее собою отголосок молитвы «Во имя отца и сына и святого духа...», «зааминивание» в конце заговора, упоминание в тексте имен некоторых святых и Богородицы), но сам заговор в измененном виде продолжал существовать, и даже некоторые молитвы тесно переплелись с текстами заговоров. Подобные заговоры проникли в травники и лечебники⁷, и в наши дни массовая литература и средства массовой информации усиленно распространяют эти пережиточные явления менталитета, пытаясь заново возродить веру в чудесную исцеляющую заговорную силу слова, привлекая для этого уже не только земные или потусторонние, но и космические силы.

Перейдем к рассмотрению лубка («народной картинки»), объединяющего в себе черты различных типов источников: письменных и фольклорных, этнографических и изобразительных. Лубок – обобщающее понятие, включающее и лубочный лист, и лубочную картинку, и лубочную книжку⁸. Это яркий и репрезентативный, давно уже изучаемый и все еще до конца не исследованный памятник народной культуры⁹, привлекавший к себе внимание главным образом искусствоведов и этнографов¹⁰. Один из первых исследователей лубка – профессор Московского университета И.М. Снегирев – хорошо сказал, что лубочные картинки «проявляют ум, дух, верования, понятия и быт, предания русского народа»¹¹. Иными словами, они дают возможность изучать менталитет его создателей и потребителей.

Исследователями давно уже подмечено, что самой важной, решающей с этноколоведческой точки зрения особенностью лубка является его всеохватность, своеобразная энциклопедичность содержания, объяснявшаяся тем, что «народные картинки долгое время были почти единственной духовной пищей русского трудового народа, энциклопедией самых разнообразных знаний»¹². Действительно, тематика лубка необыкновенно разнообразна: история, литература, география, космография, религия, медицина, народный быт, суд, нравственность – можно сказать, что нет ни одной области духовной жизни народа-труженика, которая не нашла бы своего отображения в лубке.

Лубок как источник для изучения менталитета может быть правильно понят и оценен лишь при условии его рассмотрения в динамике, в развитии. Как известно, он возник на Руси почти одновременно с печатной традицией, рос и развивался параллельно с ней. Авторами и издателями лубка первое время были люди из народа, близкие к нему. Так продолжалось до 1839 г., когда была введена цензура на лубок и

его производство стало коммерческим предприятием, контролируемым правительством и развивающимся по законам коммерции. А вот бесцензурный лубок конца XVII – начала XIX в. был книгой, творимой народом и для народа¹³. Правда, ранний период существования лубка до сих пор изучен недостаточно в отличие от лубка XIX в.¹⁴, причем городской лубок исследован гораздо лучше крестьянского¹⁵.

В XVII в. лубочные картинки украшали и избы крестьян, и хоромы бояр, и даже царские палаты. Уже в 1635 г. для семилетнего тогда царевича Алексея Михайловича в Овощном ряду в Москве покупали «печатные потешные листы», и не только привозные («нсмецкие», т.е. зарубежные), но и русские¹⁶. Но эта всенародная и всеобщая распространяемость лубка существовала недолго. Уже с первой четверти XVIII в. лубок вытесняется из быта бояр и дворян гравюрой. Образованные слои русского общества начинают стесняться примитивных лубочных картинок, и последние становятся достоянием городских низов и крестьянства. Для них лубок на первых порах заменял и книгу, и песенник, и отчасти даже газету. Старые лубки XVII – начала XVIII в. постепенно утрачивались, выбрасывались за негодностью. Основной массив лубочных картинок, дошедший до нас, сравнительно позднего происхождения. Как источник для изучения менталитета он может быть использован главным образом применительно к трудовому народу, так как начиная со второй половины XVIII в. он стал достоянием крестьян, городских низов и отчасти купечества. Но не только их. Многие видные деятели русской культуры в своих воспоминаниях неоднократно указывали на то, что в детстве они увлекались лубочными сказками о Бове и Еруслане¹⁷. И даже (как некий Ф.Д. Бобков) учились читать по лубочным сказкам о Еруслане Лазаревиче¹⁸. Общеизвестно влияние лубка на творчество видных русских художников (например, В.М. Васнецова, Б.М. Кустодиева) и некоторых примитивистов, сознательно использовавших в своем творчестве художественные выразительные свойства лубка.

О содержательном богатстве лубочных картинок говорили многие исследователи, поэтому на данном вопросе можно не останавливаться. Важно лишь подчеркнуть, что лубок, отображая реальную историческую действительность, не просто энциклопедичен по своему содержанию. Для нас гораздо важнее то, что лубочные картинки сохранили для последующих поколений народную оценку событий, отношение трудового населения к различным жизненным ситуациям и явлениям. Иначе говоря, перед нами – источник, раскрывающий народные оценки различных явлений, переживания и чувства народа, его впечатления и настроения, т.е. менталитет в самом точном значении этого термина.

Еще более важное значение имеет лубок как источник для изучения таких ментальных свойств и качеств, которые имеют общечеловеческое звучание и принадлежат к самым фундаментальным составляющим менталитета. Правда, это свойство лубка не сразу было понято и правильно оценено. Первые исследователи лубочных картинок рассматривали их как примитивное явление «простонародной культуры», не имеющее глубокого морального основания. «Образованные» члены «Общества любителей российской словесности» так отзывались о лубке: «Можно ли и должно ли допустить рассуждение в обществе о таком пошлом площадном предмете, какой был представлен в удел черни?». Лубок, утверждали эти «знатоки культуры», «решиительно никакой цены не имеет и составляет смешную сторону искусства»¹⁹.

Посмотрим, так ли это. Как раскрывается в лубочной картинке вечная тема искусства – тема жизни и смерти? Вот широко распространенная лубочная картинка «Притча о житии человеческом и о состарении». В главе «О суете мира сего» задаются глубокие мировоззренческие вопросы чисто философского смысла: «Где ныне роскошные сластолюбцы и лакомые златолюбцы? Где ныне князи пресветлые, играющие с птицами небесными? Смерть во гроб послала веселие их и славу забрала. Где суть ныне славные цари и мучители, владеющие многими странами?... Где ныне воины горделивые и мучители невинных, где строгие и страшные гетманы? Нечаянно мечем смертным посечены. Где тунеядцы и ласкатели? Тираны и мучители на суд

Божий позваны. Где наша слава, венцом венчанная? Отсечена мечем гневливым смерти. Где ныне доброта и красота личная, где дозрелая старость и цвет прекрасной юности? Всех подъела коса нежалостливой смерти. Где ныне язык сладкоглаголивый и уста риторские и сладковещательныя премудрости? Ничто же зрю от них, токмо кости, и черви, и пепел... Все привидение, все сон, все сень и дым. Все бежит мимо бегом непостоянным, как тень безводного облака...»²⁰. Читая эти строки, невольно вспоминались сходные мысли из знаменитой оды Г.Р. Державина «На смерть князя К. Мещерского»:

...Уже зубами смерть скрежещет,
Как молнией, косою блещет
И дни мои, как злак, сечет...
Монарх и узник – снесь червей,
И бледна смерть на всех глядит.
Глядит на всех – и на царей,
Кому в державу тесны миры,
Глядит на пышных богачей,
Что в злате и серебре кумиры;
Глядит на прелесть и красы,
Глядит на разум возвышенный...
...И весь, как сон, прошел твой век...²¹.

Так и в высокой одической поэзии, и в народном лубке впечатляюще звучат мысли о неминуемой расплате, ожидающей всех живущих на земле, и особенно царей-мучителей, тиранов-гонителей, гетманов, князей и всех тех, от кого безвинно страдал трудовой народ.

Многие высокие моральные истины, имеющие общечеловеческий характер, лубок распространял в ярких и образных сюжетах, доступных пониманию широких народных масс. Лубочные картинки осуждают зависть и злобу, неправду и мздоимство, разврат и безделье, мотовство и распущенность. Показательно, что все эти пороки в лубке приписываются главным образом представителям высшего общества. Возьмем в качестве примера лубочную картинку 1776 г. «Денежный дьявол»: летящий над землей дьявол сыплет на нее деньги – и кто же оказывается самым охочим до них? Целовальник, «господин стряпчий», сидящий на черте, купец-ростовщик, судья-мздоимец, секретарь-лихоимец, канцелярист, наглец, «ненасытный мызник», отбирающий у бедного человека последнюю корову... Все равны перед «золотым тельцом», «все бобры, все равны... все вы, какова бы звания ни были, на первое возвышаете злато и серебро. Все пленяетесь красотой дьявола... все ищете в нем милости: офицер щегольством манит у нево на золотой темляк. Дама минами на черевички, на убранье волосов, на бусцы, на аленькие лентачки. За денежки и политики отдают себя под пасть диавола...». Так в этом и подобных ему лубках последовательно и открыто осуждаются «тщеславие, сладострастность, глупость дворянства, жадность и тупость богачеев, взяточничество и мздоимство чиновников, купцов, ростовщиков»²².

При анализе лубка необходимо всегда учитывать, что его традиционно пестрая, зазывчатая раскраска, цветовая гамма и художественная форма вообще иногда находились в явном несоответствии с содержанием. Вот один из примеров. Лубочная картинка, прямо скажем, невеселого содержания: грешник взирает на гроб с лежащим в нем скелетом и подпись: «Плачу и рыдаю, когда помышляю о смерти». И что же? Вся эта тягостная и аскетически-мрачная картина вдруг оказывается обрамленной венком из радостных и ярких цветов, да еще «раскрашена так звонко и весело, что унылая монашеская мораль отступает перед жизнерадостным буйством красок»²³.

Есть еще одна «вечная тема» в лубке, глубоко моральная и одновременно социальная, – это тема труда. В отличие от многих других типов источников лубочная картинка рисует труд крестьянина в светлых, умиротворенных тонах – как радостный подвиг. Труд в лубке – это не Божье проклятье, не наказание за первородный грех. Это по большей части праздник, веселье, счастье. Труд почти всегда поэтизируется и тем самым как бы возвышается над обыденностью. Вот девушка несет коромысло с

тяжелыми полными ведрами, но как легка ее походка, как изящна, стройна и прямо ее фигура – груз совершенно не гнетет ее! Вот пастух пасет стадо: летний день мягок и светел, радостен и умиротворяющ, коровы сыты и ухожены. Крестьянин пашет поле: лошадь идет легко и споро, земля поддается пахоте без усилий, сам тяжелый в общем-то труд доставляет удовольствие. Вот картина деревенской избы: нарядная жена, улыбаясь, прядет пряжу, рядом муж плетет лапти, маленький сынок дерет лыко, котенок играет с клубком, кролики грызут зелень, тут же и курица с цыплятами, и кошка мурлычет... Идиллия, а не жизнь! Даже ратный труд, сражения и битвы изображаются так, что вызывают любование боевыми подвигами русских воинов, играючи справляющихся со своими противниками.

Совсем по-иному изображаются в лубке дворяне. Так, даже в самых «балагурных» листах типа «Веселое гулянье на мысах» мы, например, читаем: «Кучер, на козлах сидя, усердно погоняет, а слуга, сзади стоя, сердцем содрогается, чтобы господ своих не прогневить, себя жизни не лишит...». Как и в русских народных сказках, барин в лубке рисуется спесивым, глупым, надменным. Он постоянно оскорбляет человеческое достоинство своего подневольного слуги. И вот, как бы в отместку, «дворянин над крестьянином смеялся, а сам от него в стыде остался» (лубок «О дворянине и купце»). В другом лубке «смирный мужик» велит «пятерым из бочки» избить как следует обманувшего его помещика. Зло высмеиваются в лубке дворянские моды, разные прихоти беззаботных и бездельных дворянок, легкие нравы – продажность неверных жен, волокитство, бездумная трата денег на безделушки, щегольство и т.д.

Известно, что эта критика зачастую принимала политический характер. Карикатурно изображались в лубке немцы и голландцы, которым покровительствовал Петр I. Да и сам Петр весьма зло изображен в таких лубках, как «Старый немец да коленца у молодой немки» (Петр I и Екатерина I), «Молодая немка кормит старого немца соской», «Немка верхом на старике», «Баба-Яга дерется с крокодилом», «Баба-Яга пляшет со стариком» и др.²⁴, не говоря уже об общеизвестном сюжете «Мыши кота погребают».

В необыкновенно популярных лубочных картинках с изображением Страшного суда и загробных мук мы видим среди обреченных на страдания грешников купцов-обманщиков, ростовщиков-взятчиков, судей-мздоимцев, царей, князей и вообще всех «властителей, которые неправо господствуют над подданными своими». Всем им уготована «мука вечная». Тунеядцы, лихоимцы, сребролюбцы, народные мучители, бояре, помещики и цари – вот кто был, судя по этому лубку, исконным врагом и разорителем трудового народа. Недаром уже упоминавшаяся «Притча о житии человеческого и о состарении» так говорит о «временах жизни сея»: «Дворянские кони и псы в великой чести пребывают, а человеки во хлеве и нагоде рыдают; волы и боровы пренасыщаемы жируют, а нищие, бедные, сих лишаемы, горюют; бараны же и козлы в гордости высоко скачут, а беспомощные обиженные люди горько плачут...». «Нет, – делает вывод лубок, – Должно нам сию неправду оставляти, а человек со скоты не ровняти!»²⁵.

Французский искусствовед П.-Л. Дюшартр справедливо отметил «этническую неповторимость» русских народных картинок, отличающихся особым чувством цвета, «уверенным до дерзости». Восторженный исследователь так заключает свои изыскания: «Русские народные картинки, дошедшие до нас, вопреки рвению цензуры и несмотря на непрочность бумаги, представляют, по моему убеждению, чрезвычайную общечеловеческую ценность»²⁶.

Лубок важен для нас еще и потому, что он сохранил в неприкосновенности народно-поэтический язык. Вот как, например, живописуется в лубке Масленица: «Душа моя Масленица, перепелиные твои косточки, бумажное твое тело, сахарные твои уста, сладкая твоя речь, красная краса, русая коса, тридцати братьев сестра, сорока бабушкина внучка, трех материна дочка, кеточка, ясочка, ты же моя перепелочка!»²⁷. Традиционность восхваления женской красоты именно в таком перечислении ее качеств мы встречаем уже в рукописном «Сказании о молодце и девице» XVII в.: «И

рече ей млад отрок удалой молодец: Душа еси моя, милая красная девица, пелепеличные твои кости, бумажное твоё тело, сахарные уста, мудрая мысль, тихая беседа, черново соболя брови, ясново сокола очи, ястрепово зрение, белова горностая скакание, тихое твоё слово, неизреченная твоё доброта, неисповедимая твоё мудрость» и т.д.²⁸

Балагурная, ритмически-складная речь в лубке нередко принимает пословичную меткость и законченность. Например, в лубке «Рассуждение холостого человека о женитьбе»: «Богатую взять – будет попрекать, умную взять – не даст слова сказать, худую взять – стыдно в люди показать, убогую взять – нечем содержать...»⁹ и т.д. Сколько житейской мудрости в этих рассуждениях и одновременно как они выразительны и лаконичны! А как богат подбор эпитетов в лубке! Сравните «Реестр о дамах и о прекрасных девицах» второй половины XVIII в.: «Постоянная дама Варвара, с поволокою глаза Василиса, кислой квас Проида, веселой разговор Аграфена, великое ябедство Елена, пирожная мастерица Федора, горшечная пагубница Миндора, криношная блудница Нимфодора»³⁰ и т.д. Недаром А.Н. Островский в «Снегурочке» вложил в уста бирючей такие призывы: «Ой, вы, красные девицы, криночные баловницы, горшечные пагубницы»³¹.

Фольклорные элементы в изобразительном лубке – это не просто печатное воспроизведение народно-поэтического слова. Фольклор для изобразительного лубка – это лишь основа для создания самостоятельного отличного от народного творчества, произведения. Оно входит уже в систему не фольклорных, а специфически лубочных образов и сюжетов, гораздо более обобщенных, чем в традиционном фольклоре. Вместе с тем фольклорная традиция организует и сплачивает элементы художественной формы изобразительного лубка, придает им большую глубину и значимость.

Простонародный потребитель изобразительного лубка, будь то горожанин или сельский житель, творчески усваивал художественный язык лубка, интерпретировал его в соответствии со своими собственными вкусами, вкладывая в него свой собственный смысл. Поэтому художественная форма лубка оказывалась зачастую гораздо более действенной и значимой, чем его содержательная, информативная сторона. Своеобразная художественная структура лубка как раз более всего влияла на воображение зрителя, формировала у него особый душевный настрой, заставляла его верить в лубочные образы, любоваться ими, искать в них удовлетворение своим художественным вкусам. Поэтому особое значение имеют точные зарисовки из народного быта, которые и связывают народный лубок с этнографическими источниками.

Все сказанное выше основывается главным образом на изобразительном лубке, на «народных картинках». Но громадную массу лубка составляют и лубочные книжки. Однако их анализ – это тема специального исследования. Заметим лишь, что при всей специфике отображения реальной действительности лубочные книжки в идейном плане во многом повторяют изобразительный лубок, правда, значительно расширяя масштабы и углубляя это отображение в различных областях духовной жизни народа.

Примечания

¹ См. об этом: *Пушкарёв Л.Н.* Что такое менталитет? Историкографические заметки // Отечественная история. 1995. № 3. С. 158–166.

² См. об этом: *Dinzelbacher P. (Hg).* Europäische Mentalitätsgeschichte. Stuttgart, 1993, а также рецензию *Л.Н. Пушкарёва* на эту книгу (Вопр. истории. 1995. № 8. С. 167–169); *Левинсон К.А.* История ментальности в Европе. Очерки по основным темам. История ментальностей, историческая антропология: зарубежные исследования в обзорах и рефератах. М., 1996. С. 97–118.

³ *Брюсс Ш. де.* О фетишизме. М., 1973. С. 127.

⁴ *Левин М.Г.* Этнографические и антропологические материалы как исторический источник (К методологии изучения истории бесписьменных народов) // Сов. этнография (далее – СЭ). 1961. № 1. С. 20–28.

⁵ *Сенявская Е.С.* Человек на войне: историко-психологические очерки. М., 1977. С. 80–85; *Пушкарёв Л.Н.* По дорогам войны: воспоминания фольклориста-фронтовика. М., 1995. С. 56–58.

⁶ *Пушкарёв Л.М.* Сталёны форми исторического джерела // Историчні джерела та їх використання. Вып. 3. Київ, 1968. С. 31–40.

- ⁷ Пушкарёв Л.Н. Лечебники Древней Руси // Неделя. 1962. № 48. С. 20; *его же*. Древнерусский лечебник // Редкие источники по истории России. Вып. 1. М., 1972. С. 3–10.
- ⁸ О различном значении этих терминов см.: Пушкарёв Л.Н. Литературные обработки повести о Еруслане Лазаревиче в XVIII в. // Древнерусская литература и ее связи с Новым временем. М., 1967. С. 211–213.
- ⁹ См об этом: Пушкарёв Л.Н. Русский лубок как памятник народной культуры (И.С. Ивин-Кассиров) // Проблемы взаимосвязи литературы и фольклора. Межвузовский сборник научных трудов. Воронеж, 1984. С. 86–96.
- ¹⁰ См. последнюю обобщающую работу на эту тему: Воронина Т.А. Русский лубок 20-х – 60-х годов XIX века: производство, бытование, тематика. М., 1993 (Серия «Российский этнограф». Вып. 5); см. также рецензию Л.Н. Пушкарёва на эту книгу (Этнографическое обозрение. 1995. № 3. С. 167–169).
- ¹¹ Снегирев И.М. Лубочные картинки // Москвитянин. 1841. Ч. 3. Кн. 5. С. 102; См. также: *его же*. Русская народная галерея или лубочные картинки // Отечественные записки. 1822. Кн. 12. Ч. 4. С. 84–96; *его же*. О простонародных изображениях // Тр. о-ва любителей российской словесности. 1824. Кн. 10. Ч. 4. С. 119–148.
- ¹² Кузьмин Н.В. Русский лубок. М., 1970. С. 1.
- ¹³ Страхов Н.И. Мои петербургские сумерки. СПб., 1810. С. 50; Снегирев И.М. О лубочных картинках русского народа. М., 1944; *его же*. О лубочных картинках русского народа // Сборник исторических и статистических сведений о России. Т. 1. М., 1845. С. 199.
- ¹⁴ Хромов О.Р. Историография русской лубочной картинки XIX столетия (И.М. Снегирев, Ф.И. Буславев, Д.А. Ровинский). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1991; Берков П.Н. Материалы для библиографии литературы о русских народных (лубочных) картинках // Русский фольклор (Материалы и исследования. II). М.; Л., 1957. С. 353–362; Ровинский Д.А. Русские народные картинки. Т. 1–3. СПб., 1881.
- ¹⁵ Островский Г.С. О природе русского городского изобразительного фольклора // СЭ. 1974. № 1. С. 104–112; *его же*. Лубок в системе русской художественной культуры XVII–XX вв. // Сов. искусствознание. 1981. № 2. С. 140–159; Дубин Б.В., Рейтблат А.И. Из истории изучения «народной» культуры города: незавершенная книга И.Н. Никитина о русском лубке // Там же. 1966. № 20. С. 388–402.
- ¹⁶ Забелин И.Е. Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях. Ч. 2. М., 1915. С. 89.
- ¹⁷ Вот что рассказывал о своем детстве Г.Р. Державин: «Занимаясь между уроков денно и ночью рисованию, но как не имел не токмо учителей, но и хороших рисунков, то довольствовался изображением богатырей, каковые деревянной печатью в Москве на Спасском мосту продаются, раскрашивая их чернилами, просто и жженою вохрой, так что все стены его комнаты были оными убиты и уклеены» (Державин Г.Р. Соч. Т. 6. СПб., 1871. С. 416); см. также: Сын отечества. 1821. Ч. 70. С. 147. Подробнее о влиянии лубка см.: Кузьмина В.Д. Рыцарский роман на Руси: Бова, Петр Златых Ключей. М., 1964; Пушкарёв Л.Н. Сказка о Еруслане Лазаревиче. М., 1982.
- ¹⁸ Хроника // Исторический вестник. 1907. Май–июнь. С. 84.
- ¹⁹ Владимирские губернские ведомости. 1843. № 21. Цит. по: Воронина Т.А. Указ. раб. С. 14.
- ²⁰ Ровинский Д.А. Русские народные картинки. Т. 1. СПб., 1881. № 735.
- ²¹ Державин Г.Р. Стихотворения. М., 1947. С. 6–7. Впервые на это обращено внимание в работе: Елеонский С.Ф. Из истории массовой литературы XVIII века: лубочные листы // Изв. АН СССР. Отд. лит. и яз. 1955. Т. XIV. Вып. 5. С. 454–455.
- ²² Молдавский Д.М. Предисловие к альбому «Русский лубок XVII–XX вв.». М.; Л., 1962.
- ²³ Кузьмин Н.В. Русский лубок (Альбом «Крокодила». Вып. 1). М., 1971. С. 5.
- ²⁴ Стасов В.В. Разбор сочинения Д.А. Ровинского «Русские народные картинки» // Стасов В.В. Собр. соч. Т. 2. СПб., 1884. С. 67, 68, 607–608.
- ²⁵ Ровинский Д.А. Указ. раб. Т. 1. СПб., 1881. № 735.
- ²⁶ Duchartre P.-L. L'imagerie populaire russe. P., 1961. P. 31.
- ²⁷ Ровинский Д.А. Указ. раб. Т. 1. СПб., 1881. № 92.
- ²⁸ Пиксанов Н.К. Старорусская повесть. М.; Пг., 1924. С. 81.
- ²⁹ Ровинский Д.А. Указ. раб. Т. 1. СПб., 1881. № 140.
- ³⁰ Там же. № 141.
- ³¹ Островский А.Н. Снегурочка. Ярославль, 1983. С. 96–97.

L.N. P u s h k a r e v. Cheap Popular Print as Ethnographic Source of Russian People Conscious Study

The Russian popular print is an important source to study the conscious of working-people. The content of cheap popular print is encyclopedic and its language is picturesque and expressive.